

Цинь Цзуй стянул футболку с головы и поплелся в ванную — рассмотреть в зеркале спину.

И правда, высыпало. Слева в районе лопатки кожа полыхала багровым, будто ошпаренная кипятком, и всю покрывалась мелкой зудящей сыпью.

Пока он не обращал внимания, спина лишь слегка чесалась. Но стоило увидеть это безобразие и провести ладонью за плечо, как зуд разыгрался не на шутку — мерзкий, въедливый, пробирающий сквозь ребра прямо до самого сердца.

— Эй, ты где там застрял? — донесся из прихожей голос Цзян Чу, обувавшегося у двери.

Цинь Цзуй раздраженно поскреб лопатку ногтями, натянул брошенную братом футболку и заглянул в комнату, чтобы забрать удостоверение личности.

— У тебя на кошек аллергии нет? — Цзян Чу всю дорогу перебирал в уме возможные аллергены. Постельное белье он сменил и постирал буквально позавчера, от геля для душа такой реакции быть не могло. Методом исключения оставался только Чжоу Пэн.

Цинь Цзуй хмурился, то и дело извиваясь всем телом, чтобы почесать спину, и нехотя буркнул:

— Без понятия.

Скользнув по нему взглядом, Цзян Чу вытащил мобильник, быстро покликал по экрану и бросил трубку парню на колени:

— Пройди мне уровень.

Цинь Цзуй перехватил телефон. На экране светилась «Сяосяолэ» — детская головоломка «три в ряд». Одиннадцатый уровень, который даже полный кретин одолел бы с первой попытки.

К моменту, когда машина затормозила на больничной парковке, он молча протянул мобильник обратно. На счету красовался уже тридцать первый уровень.

Цзян Чу усмехнулся, ловко крутанул телефон между пальцев и убрал в карман.

— Пошли сдаваться врачам.

Со стороны могло показаться, будто Цзян Чу — тертый калач в медицинских вопросах: стоило глянуть на спину парня, как он тут же притащил его в приемный покой, попутно с умным видом рассуждая о природе аллергии. На деле же сам он за всю сознательную жизнь в больницах почти не бывал.

Ладно он сам и его родители — даже бабушки с дедушками с обеих сторон отличались завидным богатырским здоровьем. Все их редкие визиты в медицинские учреждения ограничивались либо поздравлениями в роддоме у двоюродной тетки, либо проведыванием дяди после банального аппендицита.

Цзян Чу никогда не приходилось лечиться самому или водить по врачам кого-то еще.

Даже их котяра, Чжоу Пэн, и тот в ветеринарке ни разу не показывался.

Проходя мимо стойки дежурной медсестры, он с надеждой на чудо поинтересовался:

— Извините, у нас тут острая аллергия. Срочно. Можно без талона пройти?

— В очередь, в очередь, — даже не дослушав, буркнула медсестра и махнула рукой в сторону регистратуры.

Людей в больнице, как обычно, было пруд пруди. К каждому окошку тянулись длиннющие, унылые хвосты очередей.

Цзян Чу выбрал ту, что казалась чуточку короче. Цинь Цзуй огляделся по сторонам, поерзал плечом и негромко предложил:

— Давай я постою, а ты присядь где-нибудь.

— Ого, — хмыкнул Цзян Чу, не отрываясь от экрана. — Целых девять слов за раз. Личный рекорд бьешь?

Цинь Цзуй смерил его унылым взглядом. Заметив, что соседний ряд зашевелился быстрее, он протиснулся мимо брата и, засунув руки в карманы, встал туда.

Очередь только с виду пугала, на деле двигалась споро.

Когда перед Цзян Чу остался всего один человек, Цинь Цзуй вышел из своего ряда и встал поблизости.

— Там вроде удостоверение просят. Взял с собой? — спросил Цзян Чу.

Парень только полез в карман, как за спиной Цзян Чу началась какая-то возня. Двое в очереди принялись шумно толкаться.

— Да мне правда горит! Я быстро, буквально на полминуты, сложно уступить, что ли? — качал

права какой-то дерганый парень, пытавшийся влезть без очереди. Сам мелкий, тощий, вылитый ошипанный цыпленок, но прыгал и суетился так, словно ему под пятки петарду кинули.

— Тебе уступи, а мне кто уступит? Я тут вообще-то тоже не первый час парюсь! Тут все больные, всем горит! — недовольно взвизгнула женщина, стоявшая сразу за Цзян Чу. — Спешись — так по-человечески попроси, а не лезь как крыса, пихаясь и обтирая всех подряд!

— Слышь, кто пихается-то, бля? Ты ослепла, что ли? — Парень явно занервничал от того, что его прилюдно пристыдили, и полез на рожон.

— Ты как разговариваешь, ушлепок?! — заверещала женщина. — Рот свой закрой!

Очередь начала неодобрительно гудеть, все пялились на скандалистов. Цзян Чу мазнул по ним безучастным взглядом и отвернулся обратно к окошку — вступать в чужие разборки не хотелось.

Предыдущий пациент забрал свой талон и отошел. Цзян Чу забрал у Цинь Цзюя удостоверение:

— Отойди пока вон туда, не стой в толпе.

Фотокарточка на пластике оказалась на редкость удачной. Черты лица четкие, симметричные. Цзян Чу даже невольно залюбовался, разглядывая снимок.

На фото у парня было абсолютно каменное лицо, но во взгляде читалась какая-то дикая, волчья угроза.

Выглядело это чертовски круто, хотя и придавало ему неуловимо бандитский вид.

Сам Цзян Чу на любых официальных снимках — хоть на правах, хоть на загранпаспорте — получался настолько паршиво, что на паспортном контроле в аэропортах пограничники то и дело подозрительно вглядывались то в документ, то в его лицо.

Раньше он из-за этого знатно комплексовал, пока не вышел один курьезный случай. Как-то Бао Ли, подружка Да Бэня, решила сосватать ему свою приятельницу. Скинула контакт в Вичате. Уж бог весть, как сладко Бао Ли расписывала достоинства Цзян Чу, но девица с ходу пошла в такое лобовое наступление, что даже Да Бэню, наблюдавшему за этим со стороны, стало неловко.

Общаться с ней Цзян Чу не горел желанием. Скрипя зубами от навязчивости, он просто сфотографировал свое удостоверение и отправил ей в чат. С той стороны мгновенно повеяло могильным холодом, и переписка заглохла сама собой.

Хоть какая-то польза от уродливых снимков. Впрочем, когда придет время менять документы, надо будет нанять нормального фотографа... Хм, стоп.

Цзян Чу еще раз всмотрелся в строчку с датой рождения на карточке Цинь Цзюя. Что-то не сходилось.

По словам Цинь Шумань, парню было «около шестнадцати-семнадцати», то есть семнадцати еще исполниться не должно было.

Но судя по официальной дате на пластике, в следующем месяце ему стукнет уже полные восемнадцать.

При регистрации в реестре напутали и записали раньше времени?

Размышляя об этой странности, Цзян Чу сделал шаг вперед к окошку регистратуры. Не успел он твердо встать на ноги, как раздался дикий визг, и в спину ему со всей дури влетело нечто тяжелое, словно его протаранил груженный трехколесный мотоцикл. От мощного удара он плашмя полетел лицом прямо на мраморную стойку.

Дыхание перехватило, ребра обожгло острой болью. Цзян Чу инстинктивно попытался опереться руками, но скользкий пластик удостоверения в ладони сыграл злую шутку на гладкой мраморной поверхности — ладонь со свистом поехала вперед.

Секундой позже то ли толпа вокруг ахнула, то ли его собственный подбородок со звонким «бум!» встретился с толстым стеклом регистрационного окна.

Из глаз брызнули искры. Мир на мгновение замер: сквозь стекло Цзян Чу увидел лицо сидевшей внутри медсестры, у которой, словно в замедленной съемке, округлялись от ужаса глаза.

Все это безумие заняло от силы пару секунд, но челюсть у Цзян Чу онемела так, словно ему вкатили двойную дозу анестезии.

Нащупав подбородок пальцами, он убедился, что кожа цела, но стоило приоткрыть рот, как на языке мгновенно проступил металлический привкус крови.

— Твою мать, — зло процедил он, прощупывая языком разбитую изнутри губу.

Виновницей аварии оказалась та самая скандальная баба. От вида впечатавшегося в стекло Цзян Чу она и сама струхнула, но извиняться даже не подумала. Вместо этого она истошно заверещала на весь вестибюль:

— Это не я! Не я его толкнула, это он меня пихнул!

Нахмурившись, Цзян Чу развернулся, но не успел даже сообразить, что к чему, как толпа снова взвыла. Тощего наглеца, который только что качал права, кто-то мертвой хваткой сгреб за шкирку и с оглушительным треском впечатал физиономией в соседнее стекло.

У несчастной медсестры внутри окошка глаза, только-только вставшие на место, едва не вылетели из орбит повторно.

Визгливая баба мгновенно заткнулась. Цзян Чу и сам опешил — удар вышел куда звонче и жестче, чем его собственный кульбит.

И произошло это в паре сантиметров от его плеча.

А стальные пальцы, удерживающие дергающуюся голову придурка на стекле, принадлежали его новоиспеченному сводному братцу. Тому самому молчуну Цинь Цзую, из которого за день три слова клещами не вытянешь.

Цинь Цзуй, отдав документы, так и остался стоять неподалеку.

Когда эти двое сзади начали пихаться, он прикинул расстояние до Цзян Чу. Думал, дежурные вовремя вмешаются и растащат придурков, но те не успели: тощий окончательно озверел и со всей дури толкнул бабу в плечо.

Ну и покатилося одно за другим.

Цинь Цзуй попытался перехватить падающего Цзян Чу, но между ними не вовремя влезла туша этой бабы. Не успел.

Увидев, как Цзян Чу с размаху приложился челюстью о стекло, Цинь Цзуй потерял остатки терпения. Накапливавшийся весь день зуд в лопатке и глухое раздражение в груди взорвались ядерной смесью. Он шагнул вперед, одним плавным движением взял наглеца в жесткий захват за шею и припечатал его лицом к стеклянной перегородке.

Стычки в очередях регистратуры случались регулярно — обычно хватало пары окриков дежурного охранника, чтобы спорщики разошлись.

Но когда в ход пошли кулаки, да еще и со звоном бьющихся о стекла голов, со всех сторон тут же сбежались охранники.

— Э, э! Что за дела?! А ну разошлись! В очередь встали быстро, не мешайте людям! — один из охранников попытался схватить Цинь Цзую за плечо, чтобы оттащить.

— Вы что творите?! — раздался пронзительный визг регистраторши. — А ну пошли вон отсюда! Нашли место для мордобоя! Никакой культуры!

Цзян Чу и сам отнюдь не отличался ангельским терпением. Окажись он в такой ситуации один, вполне мог бы дать волю кулакам.

Но в отличие от Цинь Цзуй, он всегда сперва пытался взять себя в руки. Получалось — отлично, не получалось — тогда уж извиняйте.

Мелкий же сдерживаться даже не планировал. Он действовал на чистых инстинктах.

Поймав бешеный взгляд парня, Цзян Чу ни на секунду не усомнился: если его сейчас задеть, он и охрану по стенам раскидает.

Цзян Чу перехватил руку охранника, не давая вцепиться в брата, и негромко, но твердо скомандовал:

— Отпусти его. Я цел.

Цинь Цзуй скользнул взглядом по покрасневшему подбородку Цзян Чу. Хватку на шее буяна он не ослабил, лишь процедил ему прямо в ухо ледяным тоном:

— Извиняйся.

— Блядь, да кто ты такой?! Пусты, сука! — парень, прижатый лицом к стеклу, наконец оклемался от шока и задержался, пытаясь вырваться.

Цинь Цзуй лишь прищурился и безжалостно рванул его голову чуть выше по стеклу.

— Извинюсь! Извинюсь я, блядь! Я нечаянно! — истошно заверещал тощий, судорожно хлопая ладонью по стеклу. — Прости, мужик! Слышишь? Прости! Бля!

Они приехали в больницу в половине восьмого вечера. Пока отстояли очередь в регистратуру, пока прошли осмотр, сдали экспресс-анализы, дождались укола и получили лекарства... Попутно им пришлось выслушать суровую лекцию дежурного администратора о правилах поведения в общественных местах, а после — принять фальшивые извинения и скромную денежную компенсацию на мазь от пострадавшего тощего зачинщика. Когда они наконец выбрались на улицу, стрелки часов показывали без двадцати девять.

Ему впервые в жизни читали нотации в больничных стенах. Сев в машину, он первым делом закурил, пытаясь переварить этот абсурдный опыт, а затем развернул бланк с результатами анализов Цинь Цзуй. Откинувшись на спинку сиденья, он еще раз пробежал глазами по строчкам.

— Аллергия на морепродукты, — вздохнул он, засунув бумажку в кармашек на приборной панели, и завел мотор. — Ты что, сам не знал, что тебе рыбу и всяких гадов нельзя?

Выпустив пар во время потасовки, Цинь Цзуй заметно успокоился. Он молча смотрел на мелькавшие за окном огни ночного города, старательно избегая взгляда Цзян Чу. Лишь спустя минуту привычным движением потянулся почесать лопатку.

Откуда ему было знать? Он и слова-то такого раньше не слышал. Да и как бы у него проявилась аллергия на морепродукты, если до сегодняшнего дня он их в глаза не видел?

Цзян Чу покосился на него и швырнул шуршащий пакет с лекарствами ему на колени.

— Не чеши, кому говорю. Разотрешь — еще хуже будет.

При этих словах фильтр сигареты задел разбитую губу. Цзян Чу поморщился от резкой боли и глянул в зеркало заднего вида. Подбородок распух и налился багровым цветом, напоминая формой перезрелую сливу.

Цинь Цзуй слегка повернул голову, косясь на его пострадавшее лицо.

— Чего вылупился? — недовольно буркнул Цзян Чу.

Они пару секунд буравили друг друга глазами. Цинь Цзуй шевельнул губами, но промолчал. Отворачиваясь обратно к стеклу, он все же не сдержал едва заметной, мимолетной усмешки.

Челюсть Цзян Чу теперь и впрямь напоминала потешную кривобоковую тыковку.

— Смейся уж, чего прыскаешь? — Цзян Чу не выдержал и сам усмехнулся, шутливо ткнув брата кулаком в плечо.

— Не трогай меня, — отозвался мелкий. Фраза была привычной, но в этот раз он даже не дернулся, словно ошпаренный.

— Вредный ты как черт, — вздохнул Цзян Чу, бережно ощупывая челюсть и сокрушенно шикнув от боли. — Такая блямба теперь неделю сходить будет. Все цвета радуги соберет. Слышь, деятель, может, завтра вместо меня на работу пойдешь, а?

Тот лишь лениво прикрыл глаза, продолжая безуспешно воевать с зудящей спиной, но уголки его губ снова дрогнули вверх.

«Разбить в хлам подбородок ради того, чтобы этот колючий звереныш хоть раз улыбнулся... Ну и паршивый же из меня делец получается», — подумал Цзян Чу.

Размышлять о собственной физиономии больше не хотелось — только расстраиваться. Цзян Чу крутанул руль, перестраиваясь в крайний ряд, и сменил тему:

— Ладно, чего есть будем? Я голодный как собака. Только выбирай то, от чего тебя не раздует во второй раз.

— Дома поедим, — на удивление быстро отозвался парень.

— Это еще почему? Боишься, что с таким подбородком меня в приличное место не пустят? — хмыкнул Цзян Чу.

Цинь Цзуй обреченно вздохнул и смерил его выразительным взглядом. Спустя пару секунд неохотно пояснил:

— Дома поедим. Я приготовлю.

<http://bllate.org/book/18398/1760974>